

В. В. Кондрашин

С. В. Косиор и голод 1932–1933 годов на Украине: к 85-летию общей трагедии народов СССР*

В последние десятилетия в России опубликовано значительное количество архивных источников, позволяющих рассмотреть многие важные аспекты великой трагедии Украины — голода 1932–1933 гг. Прежде всего, это документы серии «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание» и «Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД», подготовленные к печати под научным руководством выдающегося российского историка-аграрника В. П. Данилова¹. Также это сборник документов «Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг.»². Еще одной документальной публикацией по указанной теме стала трехтомная серия международного проекта Федерального архивного агентства России «Голод в СССР. 1929–1934 гг.», ответственным редактором и составителем которой являлся автор настоящей статьи³.

В статье предпринимается попытка на основе анализа выявленных и опубликованных в России в последние десятилетия архивных документов о голоде 1932–1933 гг. в Советской Украине, прежде всего документов Архива Президента РФ, охарактеризовать роль республиканского руководства Украины в трагических событиях на Украине в указанный период.

Основу источниковой базы статьи составляют документы, выявленные автором в Архиве Президента РФ.

Кондрашин

Виктор

Викторович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН; профессор, Пензенский государственный университет (Москва, Пенза, Россия)

В настоящее время они переданы на постоянное хранение в Российский государственный архив новейшей истории. Кроме того, в статье использованы документы других центральных архивов России и опубликованные источники.

Итак, введенные в последние десятилетия в широкий научный оборот документы российских архивов свидетельствуют, что трагедия 1932–1933 г. в Советской Украине была частью общей трагедии народов СССР. Ее главной причиной стала политика сталинского режима форсированной индустриализации страны за счет безжалостной эксплуатации советской деревни. С этой целью на Украине, как и в других основных зерновых районах страны, была проведена насильственная коллективизация на основе раскулачивания и организованы принудительные хлебозаготовки, разрушившие сельское хозяйство.

Уже из урожая 1930 г. в общей массе заготовленного хлеба доля УССР составила 35 %. В счет хлебозаготовок, по официальным данным, из республики ушло почти 40 % от собранного урожая, в отличие, например, от 1928 г., когда изъятия составляли в пределах 20–25 %⁴.

Как известно, потребности экспорта придали хлебозаготовительным кампаниям 1930–1931 гг. особый драматизм, поскольку сталинскому режиму нужны были «быстрые деньги» для оплаты валютой не терпящих отлагательств заказов оборудования в Западной Европе и США. И экспорт зерна был оптимальным инструментом для этого⁵.

Украина выступила одним из основных экспортеров зерна из СССР в 1930–1932 гг. Доля экспортного зерна в фактических хлебозаготовках 1930/31 г. составила в РСФСР 17 % (1,3 млн т), в УССР — 1,7 млн тонн (24 %). Как указывалось А. И. Микояном, львиная его доля (70 %) пришлось на два региона СССР — УССР и Северо-Кавказский край, а остальная — на Нижнюю Волгу и Центральную-Черноземную область. Например, в сентябре 1930 г. из 1,6 млн тонн зерна, запланированного на экспорт, с Украины предусматривалось взять 875 тыс. т зерна (55 %), с Северного Кавказа — 525 тыс. т (33 %). Остальное зерно раскладывалось на Нижнюю Волгу, Центральную-Черноземную область и Крым⁶. В октябре 1930 г. из 1,5 млн т экспортного зерна Украина дала 810 тыс. тонн, Северный Кавказ — 280 тыс. тонн, Нижняя Волга — 175 тыс. тонн, Центральная-Черноземная область — 140 тыс. тонн⁷.

Аналогичная ситуация повторилась и в 1931 г. Постановлением Совета труда и обороны СССР от 17 августа 1931 г. задания по зерновому экспорту были распределены следующим образом: Украина — 1350 тыс. т, Северный Кавказ — 1100 тыс. т, Нижняя Волга — 830 тыс. т, Средняя Волга — 300 тыс. т⁸.

Для понимания причин огромных жертв Украины в 1932–1933 гг., на наш взгляд, большое значение имеет анализ ситуации в Республике в 1931 г. — начале 1932 г., взаимоотношений ее руководства с центром и лично Сталиным. Документы российских архивов предоставляют такую возможность.

Как известно, в 1931 г. основные зерновые районы СССР, в том числе УССР, поразила засуха. Поначалу сталинское руководство попыталось выбить из советской деревни для нужд индустриализации еще больше хлеба, чем в рекордном с точки зрения урожая и хлебозаготовок 1930 г. В результате Украина получила план в 520 млн пудов, на 83,3 млн пудов больше, чем в 1930 г.⁹ Из урожая 1931 г. республика сдала в счет хлебозаготовок 415,4 млн пудов¹⁰.

Это были самые большие изъятия хлеба из украинской деревни государству за все годы советской власти. Они привели к массовому голоду в республике в начале 1932 г., который стал первым смертным голодом в ее истории¹¹. И вина за трагедию в немалой степени лежит на республиканском руководстве, которое скрыло от центра его масштабы и степень глубины разразившегося кризиса в аграрной экономике.

Так, в рассматриваемый период все региональные руководители, за исключением Украины, получили снижение плана хлебозаготовок для своих регионов, поскольку обращались с подобными просьбами к И. В. Сталину¹². Но этого не делал генеральный секретарь ЦК КП(б)У С. В. Косиор. Он не только не предпринял никаких попыток в условиях засухи добиться у Центра снижения плана хлебозаготовок для Украины, но и направлял в ЦК ВКП(б) крайне противоречивую информацию о положении в республике, о чем можно судить по телеграмме Сталину Косиору от 16 марта 1932 г., где прямо указывалось: «Положение с семенами на Украине во много раз хуже того, чем это следует из телеграммы т. Косиора, поэтому Политбюро предлагает ЦК КП(б)У принять все зависящие от него меры к тому, чтобы была предотвращена угроза срыва сева на Украине»¹³.

В этом же ряду — странная телеграмма Косиору вождю от 26 апреля 1932 г. относительно масштабов голода на Украине. В ней он заявил: «У нас есть отдельные случаи и даже отдельные села голодающие, однако это только результат местного головопьяства, перегибов, особенно в отношении колхозов. Всякие разговоры о “голоде” на Украине нужно категорически отбросить. Та серьезная помощь, которая Украине была оказана, дает нам возможность все такие очаги ликвидировать»¹⁴.

Характерна реакция Сталина на эту телеграмму: «Тов. Косиор!.. Если судить по материалам, похоже на то, что в некоторых пунктах УССР советская власть перестала существовать. Неужели это верно? Неужели так плохо дело с деревней на Украине? Где органы ГПУ, что они делают? Может быть, проверили бы это дело и сообщили бы в ЦК ВКП о принятых мерах»¹⁵.

Сумятицу вносила позиция ближайшего окружения Косиора. В отличие от него, председатель СНК УССР В. Я. Чубарь и председатель ЦИК УССР Г. И. Петровский признавали факт глубокого кризиса сельского хозяйства в УССР, о чем было сказано Чубарем в телеграмме в ЦК ВКП(б) на имя Сталина и В. М. Молотова от 10 июня 1932 г.: «Ваши упреки в том, что мы, украинцы, не знаем, что делается на селе, и что мы не занимаемся как следует селом, целиком и полностью справедливы. Оптимистическая оценка положения нашего села перед посевной кампанией была ошибочной и базировалась больше на поверхностных впечатлениях ответственных работников, бывавших на селе (недостатка в количестве работников, сидевших месяцами на селе, не было), чем на анализе учетных данных статистики, оперативной отчетности по ряду заготовительных кампаний и изучения действительного положения дел в районах, где эти товарищи работали как уполномоченные. Переоценка наших возможностей имела место в принятом нами плане хлебозаготовок, в плане мясозаготовок и др.»¹⁶.

Центр отреагировал на эту информацию вполне адекватно: увеличением норм продовольственного снабжения УССР, выделением Украине зерновых

и продовольственных ссуд, тракторов для посевной и уборочной кампаний¹⁷. Это позволило снизить там остроту голода.

При этом секретарь ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович в письме к Сталину от 12 июня 1932 г. задавался резонным вопросом: почему украинские руководители «не могли поставить в ЦК ВКП(б) своевременно и честно все их вопросы»?¹⁸ И он был прав, так как такая возможность существовала, например, у Косиора на октябрьском 1931 г. пленуме ЦК ВКП(б). Но, в отличие от своих коллег из других регионов СССР, выступавших на пленуме с просьбами о снижении плана хлебозаготовок, он рапортовал Сталину о готовности Украины выполнить план. В частности, Косиор заявлял, что план хлебосдачи государству УССР в 510 млн пудов «безусловно реальный и выполнимый без всяких особых жертв со стороны колхозного крестьянства и нашей украинской деревни вообще». «Еще придется очень и очень много поработать для того, чтобы этот большой план выполнить... В ряде мест придется хлеб отбирать, у тех, кто уже получил», — констатировал он¹⁹. И действительно, план был выполнен, но Украина вследствие этого оказалась ввергнута в смертный голод.

О том, что такая политика безоговорочного выполнения плана хлебозаготовок была ошибочной и ответственность за нее несет в значительной степени руководство Украины, а не центр, было прямо заявлено в письме Петровского Сталину и Молотову от 10 июня 1932 г.: «По-моему, взявшись выполнить 510 млн пуд. хлебозаготовки на Украине, ЦК КП(б)У виноват в том, что он без возражения это сделал, подчиняясь повелительной необходимости сохранить взятые нами темпы социалистического строительства, а также учитывая напряженное состояние международного положения»²⁰.

Ответственность руководства Украины за наступивший в Республике голод подчеркнул побывавший в июне 1932 г. в Винницкой области УССР главный инспектор кавалерии РККА С. М. Будённый. Ознакомившись с ситуацией, на встречах с колхозниками он открыто обвинил в организации голода местные власти, в первую очередь республиканских руководителей, которые с помощью встречных планов оставили деревню без хлеба и семян. «Почему вас до сих пор не поубивали колхозники!» — в сердцах восклицал Будённый. — За то, что «[вы] в течение двух лет обманывали ЦК ВКП(б) и правительство о высокой урожайности», доводили до районов «нереальные планы». В результате колхозники и единоличники «оставлены голодными»²¹. Критика Будённого действий украинского руководства вызвала резкие возражения Косиора, который в письме Кагановичу от 30 июня 1932 г. оправдывался: «Если Будённый и другие “благодетели” будут натравливать на нас колхозников и местные организации Украины, тогда не приходится говорить о выполнении плана этого года»²².

18 июня 1932 г. Сталин в письме Кагановичу дал свою оценку действиям украинского руководства. Он напомнил, что в УССР был неплохой урожай в 1931 г., но по вине местных руководителей было осуществлено ошибочное планирование хлебозаготовок между областями и районами по принципу уравниловки. И плохие, и хорошие хозяйства, в том числе пострадавшие от недорода, оказались в равных условиях, в результате чего хлебозаготовки привели «ряд районов» в состояние «разорения и голода»²³.

В июле 1932 г. Сталин решает снять все руководство Украины со своих постов (Косиора, Чубаря, Петровского), поскольку выяснилось, что оно, наряду с прежними ошибками, выразило сомнение в правильности спущенного республике плана хлебозаготовок, назвав его завышенным²⁴. Такая позиция выглядела одиозно на фоне одобрения планов всеми региональными руководителями. В этой ситуации Сталин заявил, что Косиор и Чубарь своим «преступно-легкомысленным отношением к делу... загубят вконец Украину». «Руководить нынешней Украиной не по плечу этим товарищам», — считал Сталин²⁵.

Однако в итоге Косиор и его окружение сохранили свои посты. Видимо, Сталин по совету Кагановича, опекавшего Косиора, предоставил ему шанс исправить ситуацию с помощью выполнения установленного для Украины плана хлебозаготовок.

6 июля 1932 г. Каганович и Молотов сообщили вождю, что при обсуждении вместе с членами Политбюро ЦК КП(б)У плана хлебозаготовок для УССР Косиор «защищал позицию выполнения плана». При этом все остальные украинские участники совещания высказались «за снижение плана»²⁶. С этого момента Косиор превращается в рьяного исполнителя воли Сталина в Украине.

Вместе с тем поначалу вождь не верил в его искренность и вплоть до середины августа 1932 г. в письмах Кагановичу и Молотову настаивал на своем прежнем решении, предлагая на должность партийного руководителя Украины вместо Косиора Кагановича²⁷.

Из переписки Сталина с Молотовым и Кагановичем видно, что Сталин больше всего был озабочен вопросом политической стабильности в приграничных районах Украины с Польшей. Именно общая граница УССР с Польской республикой являлась, по его мнению, главной причиной угрозы интересам СССР в случае продолжения нарастания экономического кризиса на Украине²⁸. Поэтому, чтобы не допустить его усиления, Сталин поставил цель сделать приоритетным социально-экономическое развитие республики во второй пятилетке. «Начать это дело с Украины и лишь после этого перейти к Северному Кавказу», — написал он в письме Молотову и Кагановичу 20 июля 1932 г.²⁹

Реализуя на практике эту цель, в своих письмах от 24 и 25 июля 1932 г. Сталин предложил при сохранении общей установки «на безусловное исполнение плана хлебозаготовок по СССР» сделать исключение «для особо пострадавших районов Украины» и сократить им план хлебозаготовок на 30–40 млн пудов³⁰. В дальнейшем план был еще сокращен и составил конечную цифру 260,0 млн пудов³¹.

По сравнению с 1931 г. план хлебозаготовок 1932 г. на Украине был меньше на 155,4 млн пудов. Это красноречивое свидетельство того, насколько обременительным и чрезмерным для республики был план 1931 г., выполнение которого обеспечивали Косиор и его команда. Именно последствия хлебозаготовок 1931 г. самым негативным образом сказались на ситуации в УССР летом 1932 г.

Пережившая голод украинская деревня с подорванным животноводством, неразберихой и хаосом в насильственно созданных колхозах, в страхе перед новым голодом вступила в уборочную страду. Изученные документы показывают углубление обозначившегося в начале 1932 г. кризиса сельского хозяйства Украины. Об этом свидетельствовали сообщения ОГПУ о фактах расхищения колхозниками

и единоличниками урожая, а также их массового несанкционированного бегства из сельской местности в города и другие регионы СССР. В этой ситуации зазвучали голоса низового и среднего партийно-хозяйственного звена против установленных сверху планов хлебозаготовок, завышенных с точки зрения состояния сельской экономики Украины³².

Данные факты стали известны Сталину. Они вызвали его недовольство. Для вождя это было странным с точки зрения имеющейся у него информации о «хороших видах на урожай» 1932 г., по сравнению с 1931 г.³³ 11 августа он пишет письмо Кагановичу о ситуации в Украине. Ведущие украинские исследователи данной трагедии (С. В. Кульчицкий и др.) рассматривают его в качестве одного из главных документов, подтверждающих их концепцию о «геноциде голодомором» украинского народа, поскольку Сталин в нем заявил: «Самое главное сейчас Украина... Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять»³⁴.

Однако во всех украинских изданиях опущены первые два пункта этого письма³⁵. И на наш взгляд, это не случайно, поскольку в них шла речь действительно о «главном», в первую очередь волновавшем Сталина — о написанном им и только что введенном в действие «законе о пяти колосках» (Декрет об охране общественной собственности от 7 августа 1932 г.). В данном письме Сталин отметил, что он оказался «хорош» и своевременен. Именно механизм применения «закона», судя по всему, больше всего волновал вождя в указанном письме. Во втором пункте письма шла речь об использовании хлебофуражных культур и о тепловозах, о чем он и собирался говорить с Кагановичем по приезду в Москву. И лишь далее упоминалась Украина. Но в этой части письма ни слова о каких-то драконовских мерах, тем более «геноциде голодомором». Если внимательно прочитать, то видно, что Сталин больше всего был озабочен ситуацией на границе с враждебной СССР Польшей, и об этом он сказал в конце письма («хозяйственное и политическое укрепление Украины, в первую очередь — ее приграничных районов»). Полагаем, что это письмо свидетельствует о стремлении Сталина укрепить госаппарат на Украине и саму экономику республики. Если бы речь шла о репрессиях, наверное, Сталин не планировал бы переводить украинских руководителей в Москву, на высокие посты в центральном аппарате и не указывал на необходимость направления в УССР новых ресурсов («денег не жалеть...»).

На наш взгляд, главное в письме Сталина Кагановичу от 11 августа 1932 г. — это требование принять срочные меры по «наведению порядка» в партийной организации Украины. Они были необходимы в силу потенциальной угрозы со стороны Польши в случае дальнейшего ухудшения положения в республике. Их суть — срочное «хозяйственное и политическое укрепление ее приграничных районов, на которое следовало «денег не жалеть»³⁶. С этой целью Украине снижается план хлебозаготовок, «ввиду тяжелого положения» в республику направляется дополнительная техника, мобилизуются на уборку тысячи горожане и красноармейцев³⁷.

Выполняя указания вождя, Каганович занялся «делами украинскими» и 16 августа 1932 г. в письме Сталину посоветовал не спешить с заменой Косиора, а лишь «его взять и крепко... помять бока», а затем дать для Украины немного «свежей крови», т. е. укрепить ее партийный аппарат³⁸. В итоге так и происходит. Косиор

сохраняет свой пост. 19 августа 1932 г. он встречается с Кагановичем, а 31 августа 1932 г. один на один, без свидетелей, — с вождем³⁹.

По документам видно, что Каганович и Сталин проинформировали украинского лидера о снижении Украине плана хлебозаготовок на 40 млн пудов⁴⁰. О чем еще шла речь при личной встрече Косиора и вождя, источники молчат. Но по ходу дальнейших событий можно предположить, что, скорее всего, украинский партийный лидер дал Сталину твердое обещание впредь держать его в курсе всех дел, советоваться о всех деталях, а самое главное — приложить все силы для выполнения установленного центром Украине плана хлебозаготовок.

В начале октября 1932 г. для центра стал очевиден кризис хлебозаготовок в главных зернопроизводящих и экспортных регионах страны: Северном Кавказе, Украине и Нижней Волге. Особенно тревожной была ситуация на Украине и Северном Кавказе⁴¹.

Больше всего Сталина волновала ситуация на Украине, так она не улучшалась после предоставления республике явных преимуществ в снабжении материальными ресурсами и снижения плана хлебозаготовок. Для выяснения причин этого в октябре 1932 г. он направляет на Украину секретаря Средне-Волжского крайкома ВКП(б) М. М. Хатаевича, назначив его секретарем ЦК КП(б)У. На Средней Волге Хатаевич обеспечил успешное выполнение плана хлебозаготовок, поэтому заслужил доверие вождя.

По прибытии на Украину, 22 октября 1932 г., он написал письмо Сталину. В нем он прямо обвинил украинскую партийную организацию, районный и сельский актив в «демобилизации» и «величайшей размагниченности» по вопросу хлебозаготовок. Главная его мысль сводилась к тому, что украинское руководство самостоятельно выправить ситуацию с хлебозаготовками не сможет. Оценив ее, он предложил Сталину еще раз снизить Украине хлебозаготовительный план и оказать организационную помощь⁴².

Письмо Хатаевича вызвало болезненную реакцию генерального секретаря ЦК КП(б)У Косиора. 23 октября 1932 г. он также направил письмо Сталину, в котором с явной неприязнью к Хатаевичу, написал: «Хатаевич поступил неправильно, сделав все это без согласования со мной»⁴³. Затем, обращаясь к предложению Хатаевича о снижении плана хлебозаготовок, он сообщил вождю, что «просить о скидке нам, безусловно, придется», однако «особенно спешить с этим не следует»⁴⁴. В заключение, видимо, чтобы развеять сомнения Сталина в его способности самостоятельно решить проблему хлебозаготовок на Украине, Косиор бодро заявил, что «настроения в массе колхозов также неплохие», «прошлогодние воспоминания сглаживаются»⁴⁵. Налицо была явная противоречивая оценка положения в УССР.

Как следует из изученных документов, Сталин принял точку зрения своего эмиссара Хатаевича и не поверил в то, что украинское партийное руководство сможет самостоятельно выправить ситуацию с хлебозаготовками в республике. В условиях усиливающегося в стране продовольственного кризиса нужны были экстренные меры. Именно поэтому 22 октября 1932 г. решением политбюро ЦК ВКП(б) на Украину «в целях усиления хлебозаготовок» была направлена группа ЦК в составе председателя СНК СССР Молотова, председателя госбанка СССР

М. И. Калмановича, председателя «Заготзерно» С. А. Саркиса, заместителя наркома земледелия СССР А. М. Маркевича и Кренцеля⁴⁶.

О деятельности комиссии Молотова на Украине хорошо известно специалистам. Поэтому остановимся лишь на роли Косиора в период работы комиссии на Украине.

Комиссия Молотова работала в тесном взаимодействии с Косиором. Из документов следует, что он не только полностью поддерживал все ее действия, но и наряду с другими украинскими партийными лидерами нередко придавал таким действиям более решительный характер. Примером этого является совместная инициатива членов комиссии Молотова и председателя СНК УССР Чубаря о предоставлении ЦК КП(б)У «окончательного решения» вопросов о приговорах к высшей мере наказания на период хлебозаготовок. С ней они обратились за поддержкой к двум генеральным секретарям — генеральному секретарю ЦК ВКП(б) Сталину и генеральному секретарю ЦК КП(б) Косиору⁴⁷.

Партийный лидер Украины Косиор поддерживал прямые контакты со Сталиным. Например, в своей телеграмме вождю от 4 декабря 1932 г. он привел список руководящих районных работников УССР, «снятых за прямой саботаж хлебозаготовок, организацию борьбы против выполнения плана, разложение сельской парторганизации»⁴⁸.

Его отчетом Сталину о ситуации с хлебозаготовками в Украине стала докладная записка от 8 декабря 1932 г. В ней Косиор признался вождю, что темпы хлебозаготовок в республике снизились и возникла реальная угроза невыполнения годового плана. Причины этого он объяснил следующими обстоятельствами. Во-первых, в подавляющем большинстве районов уже было изъято в счет заготовок «все зерно, которое лежало в колхозных амбарах». Во-вторых, «организационный нажим на хлебозаготовки» ослабили дожди, вследствие которых «почти совершенно прекратился обмолот хлеба». И наконец, третье, самое важное: большинство областных и районных органов «еще не сумели перестроить работу на выявление скрытого, неправильно выданного и разворованного хлеба и его мобилизацию»⁴⁹. Далее генеральный секретарь ЦК КП(б)У заключил, что «главная причина не в дождях», а в том, что на местах «не проводятся, либо проводятся слабо или же извращаются натурштрафы, изъятие разворованного хлеба, репрессии к правленцам, изъятие колхозных фондов»⁵⁰. Иными словами, по мнению Косиора, проблема состояла в недостаточной интенсивности и эффективности проводимых на Украине репрессий по отношению к крестьянству. Например, он считал, что лишение завоза товаров в большинстве случаев носило формальный характер, так как деревня была «уже изрядно насыщена товарами», а «насуточно необходимые предметы (спички, соль, керосин)», хотя и по очень высоким ценам, «можно было достать на рынке в районном центре»⁵¹.

В то же время, по его мнению, наибольший результат дало применение натуральных штрафов. «За корову и свинью сейчас колхозник и даже единоличник крепко держится», — констатировал Косиор⁵². Но и эта мера имела свои недостатки. Она действовала лишь в отношении единоличников. Что же касается колхозов, то здесь результат был меньший, поскольку штрафы коснулись только обобщественного стада, а персонально колхозников они почти не затрагивали.

Что же делать дальше? Косиор в письме Сталину фактически предлагает конкретный план нового витка репрессий по отношению к украинскому крестьянству, но уже более жестокого по методам и страшного по своим последствиям. В частности, он указывает: пока что на Украине не развернулось «достаточно широко» «отобрание разворованного хлеба» у колхозников, «не имевших трудодней», и огромной массы единоличников. Эта мера, считал Косиор, «наряду с возвратом неправильно выданного по трудодням хлеба», станет «серьезным источником для выполнения плана в тех колхозах, где особенно бесхозяйственно было поставлено дело». «Проверка и изъятие неправильно созданных фондов также еще широко не развернулась», «настоящая работа по организации строгой проверки действительного урожая и ресурсов колхозов, не выполняющих плана хлебозаготовок, только начинается», — констатировал он⁵³.

Еще одним резервом будущего нажима на «саботажников хлебозаготовок», по мнению Косиора, могли стать репрессии в отношении коммунистов, «пособников» и «покрывателей» «кулацкого саботажа». В докладной записке он привел факты привлечения сельских коммунистов к ответственности за участие в «саботаже хлебозаготовок»: в октябре — ноябре 1932 г. 327 человек осуждено, 9 коммунистов приговорено к высшей мере наказания⁵⁴. Но этого было недостаточно. Косиор предложил Сталину высылать с Украины «вычищенных коммунистов», «списки которых уже составлены». В заключение он заявил: «Повышения хлебозаготовок, невзирая на большие трудности, можно добиться значительным усилением и улучшением работы. К сожалению, этого уровня на сегодняшний день мы еще не достигли»⁵⁵.

Таким образом, в вышеизложенной докладной записке Косиор признал, что комиссия Молотова, несмотря на все ее усилия, не смогла обеспечить выполнения Украиной сниженного плана хлебозаготовок. Чтобы исправить положение, он предложил Сталину действовать еще решительнее.

Вождь поддержал данную инициативу, как и другие подобные инициативы своих эмиссаров на Украине. 1 января 1933 г. политбюро ЦК ВКП(б) предложило ЦК КП(б)У и СНК УССР «широко оповестить через сельсоветы колхозы, колхозников и трудящихся единоличников», что те из них, кто «добровольно» сдадут государству «ранее расхищенный и скрытый хлеб», «не будут подвергаться репрессиям». В то же время «в отношении колхозов, колхозников и единоличников, упорно продолжающих укрывать расхищенный и скрытый от учета хлеб», «будут применяться строжайшие меры взысканий, предусмотренные Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»⁵⁶.

В январе 1933 г. по всей Украине в не выполнивших план районах, колхозах и единоличных хозяйствах начались изъятия семенных фондов, обыски и конфискации продуктов у «саботажников хлебозаготовок», широкое распространение получили натуральные штрафы⁵⁷. Результатом этого стал голод миллионов крестьян со всеми его ужасами.

Таким образом, на наш взгляд, можно заключить, что ответственность за репрессивный характер хлебозаготовок 1932 г. на Украине и ее последствия лежит как на центре, определявшем стратегию хлебозаготовок, так и на республиканском

руководстве, прежде всего Косиоре, действовавшем в ее русле и придававшего ей особый динамизм.

Этот факт хорошо осознавали современники событий. Например, в письме некоего Живанова Косиору от 24 декабря 1932 г. говорилось: «Тов. Косиор. Откройте глаза на действительность, что вы делаете своей политикой, безмолвные вы рабы Москвы. Вы за два года угробили Украину, сельское хозяйство»⁵⁸.

Документы свидетельствуют, что в условиях голода партийный лидер Украины занимал странную позицию относительно получения голодающими регионами помощи центра. По крайней мере он не проявлял необходимой настойчивости в выбивании для Украины продовольственных ссуд из союзных фондов.

Так, судя по всему, первым украинским руководителем, проинформировавшим центр о реальных масштабах голода на Украине, был секретарь Днепропетровского обкома ВКП(б) М. М. Хатаевич. Видимо, в начале марта 1933 г. он получил от Днепропетровского ГПУ исчерпывающую информацию о размерах голода в области и, заботясь о будущей посевной, решил сообщить о ней Сталину, попросить его о помощи. 12 марта 1933 г. он написал докладную записку вождю, в которой прямо заявил: «Я буквально, завален ежедневными сообщениями и материалами о случаях голодных смертей, опухания и заболеваний от голода. Последние дни все чаще поступают сообщения о трупоедстве и людоедстве. В таких городах, как Мелитополь, Бердянск, подобрано за последние 2–3 недели по 3–4 десятка трупов на улице. На станциях (только на крупных, узловых) подобрано по данным ДТО ОГПУ около 150 трупов людей, умерших от истощения на почве голода»⁵⁹.

Узнав о письме Хатаевича, 15 марта 1933 г. «свое видение» ситуации в республике сообщает Сталину в докладной записке ее партийный лидер Косиор. Он с раздражением делает укол в адрес Хатаевича: «Днепропетровск слишком афиширует свое тяжелое положение»⁶⁰. Однако далее он признает факт голода на Украине, но делает это следующим образом: «Если в прошлом году замалчивали о тяжелом положении в районах, то в этом году, наоборот, всячески стремятся выпятить наиболее тяжелые случаи, собрать и обобщить цифры. В очень многих сообщениях проглядывает целевое назначение информации — получить помощь из ЦК. Само по себе это было бы правильно, если бы области и районы эти свои требования предваряли или хотя бы сопровождали собственной энергичной работой по мобилизации местных ресурсов для организации помощи. Но этого, как правило, нет. Имеющиеся в ЦК КП(б)У сведения, как от обкомов, так и по линии ГПУ, о размерах голодовок крайне разноречивы. Это объясняется тем, что достаточно серьезной и трезвой оценки положения без замалчивания и замазывания, как равно и без преувеличений и паники, в областях, как правило, нет»⁶¹.

Таким образом, Косиор, в отличие от Хатаевича, не считал ситуацию на Украине столь трагичной. Он сообщил Сталину, что на момент письма у него не было «полной информации» о масштабах голода в республике. При этом если внимательно прочитать письмо, то его автора волновал не сам факт голода на Украине, а предстоящая посевная кампания, которой он мог помешать. По его мнению, подготовка к ней шла неважно по причине нежелания крестьян добросовестно работать в колхозе. Косиор цинично заявил вождю: «Голодание не научило еще очень многих колхозников уму-разуму»⁶².

Обвинительный уклон в сторону крестьян виден и в другом пассаже Косиора о причинах голода в Киевской области. Он указал Сталину, что крестьяне голодали там из-за своей неосмотрительности и жадности. По причине гибели озимых и недосева яровых они получили низкий урожай и сразу его проели на общественное питание («ели, кто сколько хотел»). Оставшуюся часть растащили те, кто не работал. Косиор подчеркнул, что крестьяне «винят себя за плохую работу, за то, что не сберегли хлеб»⁶³.

В своей записке Косиор сообщил Сталину и о голоде в мелких городах Украины из-за снятия их с централизованного снабжения. Их население голодало по вине местных властей, не проявивших должной настойчивости в вопросе снабжении городов продовольствием⁶⁴.

Косиор признал факт получения и распределения Днепропетровской и Одесской областями выделенной центром продовольственной ссуды в размере 2 млн 400 тыс. пудов. Но этого, по его мнению, было недостаточно. Он попросил у Сталина дополнительную продовольственную помощь для Киевской, Днепропетровской, Харьковской, Винницкой областей, Донбасса, Автономной Молдавской ССР в размере не менее 2 млн пуд. Половину из нее предлагалось дать свекловичным районам для обеспечения обработки свеклы, остальные — на проведение посевной кампании. Из указанного количества немедленно он просил оказать помощь лишь Киевской области, остальные могли получить ее позже, к началу посевной кампании⁶⁵.

Сталин удовлетворяет эту просьбу. 20 марта 1933 г. СНК СССР издало постановление о выделении Киевской области 300 тыс. пудов овса и бобовых культур⁶⁶. На наш взгляд, если бы не письмо Хатаевича, Косиор продолжал бы молчать о голоде на Украине, как и годом раньше, и последствия его «молчания» для республики были бы еще более трагичными.

Из переписки партийного руководства Украины со Сталиным видно, что вождь в большинстве случаев удовлетворял его просьбы о новых зерновых ссудах. Например, тот же Косиор попросил Сталина о дополнительной ссуде в телеграмме от 16 апреля 1933 г.⁶⁷ 21 и 26 апреля 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР выделило УССР свыше 2 млн пудов зерновых культур в качестве семенных, продовольственных и фуражных ссуд. 27 июня 1933 г. Сталин удовлетворил просьбу Хатаевича о дополнительной продовольственной ссуде колхозам Днепропетровской области⁶⁸. В первой половине 1933 г. Украина получала значительные товарные фонды для нужд населения (с 1 апреля 1933 г. 120 вагонов соли в сутки, 10 тыс. ящиков спичек, 20 тыс. ящиков махорки и т. д.)⁶⁹. Можно привести и другие подобные примеры.

Анализ документов российских архивов показывает, что одной из причин сохранения высокой смертности в районах Украины, которым были выделены продовольственные ссуды, была бюрократическая нерасторопность, волокита районных властей при их распределении, а в ряде случаев и бесконтрольное расходование зерновых ссуд. Например, в Постановлении бюро Киевского обкома КП(б)У от 15 марта 1933 г. отмечалось, что в Плисковском районе «продовольственная помощь, предоставленная району для остро нуждающихся, не была своевременно доведена до колхозов и сел»⁷⁰. В другом Постановлении Киевского обкома КП(б)У

от 19 марта 1933 г. было прямо указано, что в ряде районов области «безобразно организовано оказание помощи голодающим». Многие сельские советы, колхозы и отдельные работники «бездушно» относятся к нуждающимся в помощи, не реализуют нарядов, отпущенных областью, не используют местные ресурсы (молоко, овощи, местные отходы). Обком КП(б)У предложил ГПУ начать судебное преследование «в отношении должностных лиц и общественных организаций, не оказывающих помощи»⁷¹.

О настроениях части бюрократического аппарата Украины в отношении голодающих и сути выделяемой им «продовольственной помощи» очень точно, на наш взгляд, написал в письме наркому здравоохранения УССР С. И. Канторовичу врач Звенигородской районной больницы П. Блонский. Он констатировал: «Местные организации (районные и областные) не справляются с голодом без полноценной материальной и организационной конкретной помощи высших органов партии и власти»; «этому мешало и мешает: незначительность, сравнительно с размерами бедствия, продовольственного фонда и несвоевременное получение его, очень распространенная среди руководящих и рядовых работников политически вредная “теория”, что в голоде виноваты сами голодающие, не хотели, мол, работать, говорят, а раз так — пускай дохнут — не жалко. При таком настроении тех, кто должен бороться с голодом, конечно, не может быть ощутительных результатов от их деятельности по борьбе с голодом»; «какой-то коммерческий, чисто эксплуататорский подход к голодающим. Их рассматривают не как людей в несчастье, а только как живую силу, которую нужно использовать для работы. Отсюда — не борьба с голодом, как с народным бедствием, а только задание восстановить живую силу, причем лошадь в большем почете, чем человек. За потерю лошади наказывают, а за массовую гибель людей никого не наказывают»⁷².

Таким образом, обращаясь к теме голода 1932–1933 гг. на Украине необходимо учитывать фактор негативных действий местного республиканского руководства, прежде всего С. В. Косиора, в период хлебозаготовок 1931–1932 гг., усугубивших их плачевные последствия для судеб миллионов жителей Советской Украины, а также в следующий период. При этом, конечно, данный вывод не ставит под сомнение решающую роль сталинского руководства и лично Сталина в организации великой трагедии народов СССР в 1932–1933 гг., в том числе на Украине.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00188а).

¹ Кондрашин В. В. В. П. Данилов — публикатор документов по аграрной истории России первой половины XX в. // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 37–44.

² Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001.

³ Голод в СССР. 1929–1934: документы и материалы: в 3 т. Т. 1. 1929 — июль 1932: в 2 кн. / отв. сост. В. В. Кондрашин. М., 2011; Т. 2. Июль 1932 — июль 1933 / отв. сост. В. В. Кондрашин. М., 2012.

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 84–85.

⁵ Кондрашин В. В. Зерно в обмен на валюту и станки: новые документы российских архивов об участии западноевропейских стран в советской индустриализации // Клио. 2011. № 3(54). С. 112–115.

- ⁶ Голод в СССР. 1929–1934. Т. 1. С. 45.
- ⁷ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 8043. Оп. 11. Д. 12. Л. 26–26об.
- ⁸ Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. Р.-5674. Оп. 3. Д. 18. Л. 304–307.
- ⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 84–85; РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 18. Л. 190, 200–201.
- ¹⁰ Голод 1933. Українці: зб. наук. праць. Київ, 2013. С. 309.
- ¹¹ Центральный архив ФСБ РФ (далее — ЦА ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 10. Д. 508. Л. 420–422; Д. 528. Л. 264–271; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 231. Л. 40–39; Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 631. Оп. 5. Д. 75. Л. 59–58.
- ¹² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 105–106.
- ¹³ Там же. Д. 80. Л. 58.
- ¹⁴ Там же. Оп. 61. Д. 794. Л. 12.
- ¹⁵ Там же. Л. 18.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 139. Л. 144–153; 162–165.
- ¹⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 14, 15.
- ¹⁸ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 164.
- ¹⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. М., 2001. Т. 3. С. 198–205.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 139. Л. 162–165.
- ²¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 794. Л. 36–38.
- ²² Там же. Л. 36.
- ²³ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 179.
- ²⁴ Там же. С. 210.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 219.
- ²⁷ Там же. С. 225.
- ²⁸ Там же. С. 241–242.
- ²⁹ Там же. С. 234.
- ³⁰ Там же. С. 241–242.
- ³¹ Голод 1933. Українці: зб. наук. праць. С. 316.
- ³² Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2005. С. 174, 178–188, 207, 216, 236, 241–242, 245–246.
- ³³ Там же. С. 245.
- ³⁴ Там же. С. 273–274.
- ³⁵ Голодомор 1932–1933 років в Україні: документи і матеріали / упоряд. Р. Я. Пиріг; НАН України. Ін-т історії України. Київ, 2007. С. 285–286.
- ³⁶ Там же. С. 273–274.
- ³⁷ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 281.
- ³⁸ Там же. С. 284–285.
- ³⁹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): справочник / науч. ред. А. А. Чернобаев. М., 2008. С. 70.
- ⁴⁰ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 289, 297.
- ⁴¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 82. Л. 108–112.
- ⁴² Там же. Л. 136–140.
- ⁴³ Там же. Л. 132.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. Л. 135.
- ⁴⁶ Там же. Л. 115.
- ⁴⁷ Там же. Д. 83. Л. 141.
- ⁴⁸ Там же. Д. 84. Л. 129.
- ⁴⁹ Там же. Л. 143–144.
- ⁵⁰ Там же. Л. 145.
- ⁵¹ Там же. Л. 146.

- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. Л. 147.
- ⁵⁴ Там же. Л. 148.
- ⁵⁵ Там же. Л. 154.
- ⁵⁶ Там же. Л. 117.
- ⁵⁷ Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М., 2011. С. 72–236, 423–466.
- ⁵⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 960. Л. 164–170.
- ⁵⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 794. Л. 68.
- ⁶⁰ Там же. Л. 74.
- ⁶¹ Там же. Л. 73.
- ⁶² Там же. Л. 76.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. Л. 77.
- ⁶⁵ Там же. Л. 86.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1в. Д. 468. Л. 181.
- ⁶⁷ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 22. Л. 375–378.
- ⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 64. Л. 35.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-5674. Оп. 3с. Д. 26. Л. 173.
- ⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 82. Л. 128.
- ⁷¹ Там же. Л. 145.
- ⁷² Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Т. 3. Кн. 2. С. 429–430.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кондрашин В. В. С. В. Косиор и голод 1932–1933 годов на Украине: к 85-летию общей трагедии народов СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 625–639. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.306>
УДК 329.15(470)«1932/193»

Аннотация: Статья приурочена к 85-летней годовщине общей трагедии народов СССР — голоду 1932–1933 гг., ставшему результатом аграрной политики сталинского руководства страной. Она посвящена такому ее важнейшему аспекту, как хлебозаготовительные кампании на Украине в начале 1930-х гг., ставшие основной причиной этой трагедии. Главное внимание в статье уделяется анализу роли генерального секретаря ЦК КП(б)У С. В. Косиора и республиканского руководства УССР в осуществлении на Украине в 1931–1932 гг. хлебозаготовок. Ее источниковую базу составляют документы Архива Президента РФ и других центральных архивов, а также опубликованные источники. В статье впервые в отечественной историографии анализируются взаимоотношения республиканского руководства Украины и центра в лице И. В. Сталина и его ближайшего окружения в пик кризиса хлебозаготовительных кампаний начала 1930-х гг. в УССР и голода 1932–1933 гг. В результате делается вывод о том, что при объяснении обстоятельств трагедии 1932–1933 гг. на Украине необходимо учитывать субъективный фактор: действия местного республиканского руководства, прежде всего С. В. Косиора, в период хлебозаготовок 1931–1932 гг., усугубившие их негативные последствия для судеб миллионов жителей Советской Украины. Данный вывод не ставит под сомнение решающую роль сталинского руководства и лично Сталина в организации великой трагедии народов СССР в 1932–1933 гг., как на Украине, так и в других регионах страны.

Ключевые слова: голод 1932–1933 гг., хлебозаготовки, Украинская ССР, С. В. Косиор, И. В. Сталин, республиканское руководство.

Сведения об авторах: Кондрашин В. В. — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН; профессор, Пензенский государственный университет (Москва, Пенза, Россия); vikont37@yandex.ru

FOR CITATION

Kondrashin V.V. 'S. V. Kosior and the famine of 1932–1933 in Ukraine: to the 85th Anniversary of the Common Tragedy of the Peoples of the USSR', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 3, 2018, pp. 625–639. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.306>

Abstract: The article is timed to the 85th anniversary of the common tragedy of the peoples of the USSR — the famine of 1932–1933, as a result of the agrarian policy of the Stalinist leadership of the country. It is devoted to such an important aspect as the grain procurement campaigns in Ukraine in the early 1930s, which became the main cause of this tragedy. The main attention in the article is given to the analysis of the role of Kosior — the General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine, and the republican leadership of the Ukrainian SSR in the implementation of grain procurement in Ukraine in 1931–1932. Its source base is made up of documents from the Archive of the President of the Russian Federation and other central archives, as well as published sources. In the article for the first time in the domestic historiography, the relationship between the republican leadership of Ukraine and the Center in the person of I. V. Stalin and his closest associates at the peak of the crisis of the grain procurement campaigns in the early 1930s in the Ukrainian SSR and the famine of 1932–1933. As a result, it is concluded that in explaining the circumstances of the tragedy of 1932–1933, in Ukraine, it is necessary to take into account the subjective factor: the actions of the local republican leadership, primarily S. V. Kosior, during the grain procurement of 1931–1932. They exacerbated their negative consequences for the fate of the millions of inhabitants of Soviet Ukraine. This conclusion does not call into question the decisive role of Stalin's leadership and Stalin personally in organizing the great tragedy of the peoples of the USSR in 1932–1933, both in Ukraine and in other regions of the country.

Keywords: the famine of 1932–1933, grain procurements, the Ukrainian SSR, S.V. Kosior, I.V. Stalin, the republican leadership.

Author: Kondrashin V.V. — Doctor in History, Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Professor, Penza State University (Moscow, Penza, Russia); vikont37@yandex.ru

References:

Golod v SSSR. 1929–1934: dokumenty i materialy, 3 vols., Vol. 1. 1929 — iyul 1932, Comp. by V. V. Kondrashin (Moscow, 2011).

Golod v SSSR. 1929–1934: dokumenty i materialy, 3 vols., Vol. 2. Iyul 1932 — iyul 1933, Comp. by V. V. Kondrashin (Moscow, 2012).

Golod 1933, Ukrainci: zb. nauk. Praz (Kiev, 2013).

Golodomor 1932–1933 rokiv v Ukraini: dokumenty i materialy, Ed by. R. Y. Pirig (Kiev, 2007).

Kondrashin V. V. 'Zerno v obmen na valuty i stanki: novye dokumenty rossiyskikh arhivov ob uchastii zapadno-evropeiskikh stran v sovetskoy industrializatsii', *Klio*, no. 3(54), 2011.

Kondrashin V. V. 'V. P. Danilov — publikator dokumentov po agrarnoy istorii Rossii pervoy poloviny XX v.', *Otechestvennye arhivy*, no. 6, 2012.

Na prieme u Stalina, Tetradi (zhurnali) zapisey liz, prinyatih I. V. Stalinim (1924–1953 gg.), *spravochnik*, Red. A. A. Chernobaev (Moscow, 2008).

Sovetskaya derevnya glazami VCHK — OGPU — NKVD, Vol. 3, Book 2 (Moscow, 2003).

Sovremennaya rossiysko-ukrainskaya istoriografiya goloda 1932–1933 gg. v SSSR (Moscow, 2011).

Stalin i Kaganovich, perepiska, 1931–1936 gg., Comp. O. V. Khlevniuk, R. W. Davies, L. P. Koshevleva, E. A. Ris, L. A. Rogovaya (Moscow, 2001).

Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie, Vol. 3 (Moscow, 2001).